

Старую курицу Лу-ши прислал специально. Говорили, что это несушка, которую горные жители держали на свободном выгуле: мясо у нее плотное, и что для супа, что для тушения лучше не найти. Именно поэтому Гу Дао нарочно оставил ее, собираясь приготовить для Цзин Яо, когда тот проснется.

Теперь этот день наконец настал, и он, разумеется, принялся за дело ловко и быстро. Зарезать курицу, спустить кровь, ощипать, вымыть - всё было сделано на одном дыхании. Затем он отнес ее на кухню, разрубил на небольшие куски и вместе с ломтиками имбиря, отрезками зеленого лука и желтым вином поставил вариться на сильном огне, чтобы убрать запах сырого мяса.

Когда курятина изменила цвет и стала плотнее, он переложил ее в сковороду с маслом и обжарил, вытопив из мяса куриный жир. Только после этого ее можно было отправлять в суп: тогда бульон не вышел бы жирным, словно покрытым скользкой пленкой, от которой человек, сделав пару глотков, с отвращением отставляет чашку.

Куриному супу не нужно было слишком много добавок: немного зеленого лука и имбиря, красные финики да сушеные шиитаке, и достаточно. Дальше оставалось лишь томить несколько часов на малом огне. Чем дольше тушилось, тем свежее и насыщеннее становился вкус супа.

Гу Дао накрыл горшок крышкой, поручил Сяо Ва следить за огнем, а сам вернулся доваривать кашу. К этому времени белая рисовая каша уже разварилась до появления нежной рисовой пленки. Гу Дао бросил в горшок нарезанную зелень и потомил еще четверть часа. Потом взял большую чашку, наложил Сяо Ва полную порцию, велел ему не забыть отлить немного лекарю Юню, а сам унес горшок во внутреннюю комнату.

Едва дверь открылась, внутрь поплыл легкий свежий аромат каши с постным мясом. Цзин Яо уже явно не мог дожидаться: почти в тот же миг, как Гу Дао вошел, он быстро придвинул к себе маленький столик сбоку. Гу Дао как раз поставил на него горячий глиняный горшок и деревянной ложкой налил Цзин Яо неполную половину чашки.

Цзин Яо принял чашку и недовольно нахмурился.

— Почему так мало?

Гу Дао с улыбкой объяснил:

— Лекарь Юнь сказал, что ты только оправился после тяжелой болезни, нельзя есть слишком много.

Цзин Яо слегка поджал губы.

— Будем есть понемногу. Съешь эту чашку - я еще немного тебе налью. А вечером для тебя

еще варится куриный суп.

Только тогда Цзин Яо наконец остался доволен и, держа чашку, стал есть маленькими глотками. Неизвестно, потому ли, что он голодал несколько дней, но Цзин Яо показалось, что на этот раз овощная каша пахла даже вкуснее той, первой, которую он ел в доме Гу.

— Вкусно.

— На этот раз я добавил мясную соломку, да еще обжаривал на свином жире. Конечно, получилось вкуснее, чем раньше.

Цзин Яо невольно вспомнил те дни, когда только поселился в доме Гу. Тогда в доме почти ничего не было, но Гу Дао, чтобы он мог залечить раны, всё равно каждый раз придумывал, как приготовить ему что-нибудь вкусное. Подумав об этом, Цзин Яо не удержался и глубоко посмотрел на Гу Дао.

Гу Дао ничего не понял, только улыбнулся в ответ, и эта улыбка была такой сияющей, что Цзин Яо вдруг почувствовал, как у него потеплело лицо, и быстро отвел взгляд.

После еды Гу Дао вдруг о чем-то вспомнил и спросил Цзин Яо:

— Сяо Яо, откуда у тебя такая сила?

В глазах Гу Дао его супруг всегда был очень слабым и очень нуждался в заботе. Как же он мог одним ударом ноги отшвырнуть такого крепкого мужчину, как Дин Сяочжу, так далеко? Теперь, вспоминая это, Гу Дао невольно содрогнулся. Неужели... он взял в супруги несокрушимого сяо-фулана?

Цзин Яо опустил ресницы и, едва раскрыв рот, сказал:

— Я подумал, что он хочет причинить вред мужу. В тот миг я так испугался, сам не понял, как получилось...

Гу Дао сказал:

— Я понял. Это как тогда, когда ты ударил меня: сам не знаешь, откуда вдруг взялась такая сила.

Цзин Яо, увидев, что Гу Дао думает именно так, просто подхватил его слова.

В этот момент снаружи раздался вопрос:

— Старший брат Гу, можно мне войти?

Это был голос Сяо Ва.

Гу Дао позвал его внутрь, и Сяо Ва вошел с двумя чашками сваренного лекарства в руках.

— Старший брат Гу, Гу-фулан, пора пить лекарство.

— Я? Пить лекарство?

Сяо Ва кивнул.

— Да. Учитель специально велел мне сварить для тебя укрепляющее лекарство. Он сказал, что за эти дни ты похудел на целый круг от усталости, и боится, как бы ты теперь, едва расслабившись, не свалился с болезнью.

Гу Дао поднял руку и потрогал собственное действительно немного осунувшееся лицо.

— Тогда поблагодари за меня своего учителя.

— Что в этом такого? Учитель сказал: ты эти дни каждый день готовил нам еду, так что сварить для тебя немного лекарства - разве это что-то значит? Понравится пить, я тебе каждый день буду варить.

Гу Дао: «...» Вот этого уже не надо.

Передав лекарства, Сяо Ва ушел. Когда Цзин Яо доел, Гу Дао потрогал чашку с лекарством и, почувствовав, что она уже не такая горячая, протянул ее Цзин Яо. Цзин Яо взял чашку, но не стал пить. Опустив голову, он легонько водил указательным пальцем по теплему краю чашки. Сначала забота до мельчайших подробностей, потом неотлучный уход у больничной постели. Он не мог понять: если Гу Дао действительно чего-то от него добивался, разве нужно было доходить до такой степени?

Но если не поэтому, тогда ради чего всё это?

Неужели и правда так, как он говорил: из-за потери памяти, из-за чувства вины, из-за того, что Цзин Яо обманул его и назвался его супругом?

Но Цзин Яо знал: по-настоящему он им не был. Он быстро поднял глаза и мельком посмотрел на Гу Дао, в груди поднялась кислая горечь, но сказать об этом было невозможно, и он лишь взял стоявшую перед ним чашку с лекарством и выпил залпом до дна.

Гу Дао раскрыл рот, только хотел сказать: «Пей медленнее», но когда Цзин Яо опустил чашку, лекарство уже было выпито.

Он слегка удивился и спросил:

— Не горько?

Цзин Яо ответил ровным голосом:

— Привык.

Гу Дао посмотрел на чашку с лекарством перед собой и тоже, подражая Цзин Яо, взял ее, собираясь осушить одним махом. Но едва первый глоток попал в рот, как горечь будто прошла от языка до самых кишок. К такому лекарству Сяо Яо, оказывается, привык. Сердце Гу Дао болезненно сжалось от жалости. Он зажмурился, зажал нос и силой залил в себя всё оставшееся лекарство разом, а потом еще долго приходил в себя, прежде чем произнес:

— Сяо Яо, что ты хочешь съесть вечером? Я всё тебе приготовлю.

Цзин Яо подумал. На самом деле хотелось довольно многого. Он изогнул глаза в улыбке и спросил Гу Дао:

— Правда всё приготовишь для меня?

— Разумеется.

Цзин Яо чуть склонил голову набок и подумал: теперь тело уже восстановилось больше чем наполовину, кто знает, сколько дней он еще сможет так есть. Поэтому он просто начал перечислять блюда:

— Ягненок на пару, медвежья лапа на пару, олений хвост на пару...

Он хотел лишь подразнить Гу Дао, но не ожидал, что тот и правда серьезно задумается.

— Не то чтобы нельзя, но тебе придется дать мне больше времени. Всё-таки такие продукты достать непросто.

Улыбка вдруг соскользнула с лица Цзин Яо. Он чуть придвинулся к Гу Дао, в голосе у него звучала нежность, которую невозможно было скрыть.

— Я шучу. Что бы муж ни приготовил, я всё люблю есть

Услышав это, Гу Дао тут же наполнился силами.

— Тогда я сейчас выйду купить овощей и еще что-нибудь тебе приготовлю.

Сказав это и даже не дождавшись ответа Цзин Яо, он выбежал из клиники и помчался прямо на рынок. Вернулся он уже с большой охапкой зелени в руках и куском свежего тофу, от которого еще поднимался жар.

Постоянные посетители, что в эти дни приходили в клинику лечиться, уже прекрасно знали Гу Дао. В их взглядах, обращенных к нему, было и уважение, и вместе с тем легкая обида. Уважали его, разумеется, потому, что знали: Гу Дао и есть тот повар из Люцуня, о котором в последнее время с удовольствием судачил весь уездный город. В уездном городе всегда особенно ценили людей с ремеслом и настоящими умениями. А обида появилась из-за того, что с тех пор, как этот человек поселился в клинике, жизнь больных стала невыносимой.

Раньше, стоило войти в клинику, как в нос бил один лишь неприятный запах лекарств. Теперь же всё было иначе: повсюду разливался соблазнительный аромат еды, да такой, что манил сильнее, чем известные городские рестораны. И ладно бы он просто сбивал людей с толку этим запахом; ученик лекаря в клинике тоже был ужасно раздражающим. Словно боясь, что пришедшие лечиться не узнают, какие вкусные вещи он ест, каждый день во время еды он непременно выносил чашку к наружной стойке и медленно, не спеша жевал.

От этого у всех больных, сидевших рядом, начинались настоящие мучения: душа металась, руки чесались, а попросить было неловко. Ведь все они в уездном городе тоже были людьми с лицом и положением. Если знакомые потом увидят, как они выпрашивают еду у какого-то мальчишки, как им после этого жить в уездном городе?

Ладно, ладно. Говорили, супруг того повара уже очнулся, значит, еще день-два, и они вернутся в деревню. Тогда у этого маленького ученика лекаря больше не будет вкусной еды, чтобы их соблазнять. А они смогут выбрать время, прийти к тому повару домой и попросить его приготовить для их семьи стол, чтобы тоже как следует попробовать, что же это за вкус такой.

От этой мысли все немного повеселели, и только Лю Дашань был исключением.

Лю Дашань жил по соседству с клиникой. Особых талантов у него не было, зато нос был необычайно чуткий. Если на этой улице в каком-нибудь доме готовили что-то вкусное, он по запаху находил дорогу прямо к дверям.

Жители уездного города, конечно, жили немного лучше, чем люди в деревнях ниже по округе, но не настолько, чтобы запросто кормить посторонних. Однако Лю Дашань отличался сладким языком: стоило ему прийти просить еды, как он мог наговорить целую корзину добрых слов, да еще ни разу не повториться. К тому же все на этой улице знали его судьбу: в малые годы он потерял отца и мать, должен был не только прокормить себя, но еще и тянуть за собой младшего брата. И даже при этом он отправил брата учиться в городскую академию. Такой старший брат заботился куда усерднее многих родителей. Поэтому люди ничего особенного не

говорили: приходил - давали ему кусок, но больше уж не было.

Благодаря своему сладкому языку Лю Дашань и правда успел объесть все семьи на улице, и лишь в соседнюю клинику никогда не заходил. Не то чтобы он боялся людей из клиники; просто как сосед Лю Дашань лучше всех знал: в той клинике не было ровным счетом ничего вкусного. Ясно ведь, что каждый день они зарабатывали немало, но ели почему-то до крайности скромно и пресно. За целый год мясного почти не увидишь, даже ему уступали.

Но с тех пор как тот повар поселился там, клиника сразу стала другой. Каждый день готовили вкусное, да еще каждый раз по-новому, и аромат так мучил его по соседству, что сил не было. Сегодня было еще хуже: и курицу варили, и мясо жарили. Запах так соблазнял его, что он лежал на постели, ворочаясь словно лепешка на сковороде, и никак не мог уснуть.

В конце концов Лю Дашань просто откинул одеяло и решил сам сходить в соседнюю клинику посмотреть. Он, засунув руки в рукава, едва дошел до входа в клинику, как услышал новость: тот повар вот-вот уедет. В душе у него тут же вспыхнула тайная радость. Потом он услышал, как кто-то сказал, что хочет пригласить этого повара к себе домой приготовить застолье. Лю Дашань скривил губы, и в сердце снова поднялась зависть. Их семья не могла позволить себе такого большого повара. А тот уедет, и он даже запаха больше не почувствует.

В этот момент он увидел, как Сяо Ва вышел из внутреннего двора с двумя большими морскими чашками в руках. Хотя между ними было некоторое расстояние, Лю Дашань с первого взгляда понял: в одной чашке был куриный суп, и по поверхности плавали несколько золотисто-желтых кругов куриного жира.

В другой чашке лежали тофу с мясным фаршем и жареная зеленая листовая зелень, а под ними смутно виднелся белый рис.

Лю Дашань невольно сглотнул и поспешно приблизился.

— Ай-я, Сяо Ва, ешь?

Сяо Ва поднял голову и, увидев, что это сосед Лю Дашань, тут же настороженно подтянул куриный суп ближе к себе.

— Сяо Ва, что это ты такое вкусное ешь? Дай старшему брату посмотреть.

Сяо Ва молчал, только тихо накрыл куриный суп рукой.

Лю Дашань: «...» Почему он сторожит от него еду, будто от вора? Хотя, по правде говоря, он действительно хотел поесть.

Ничего, он продолжит.

Он покачнулся всем телом и сел рядом с Сяо Ва, готовясь начать.

— Сяо Ва, ты не знаешь, как старший брат тебе завидует. Ты, как и я, с малых лет остался без родителей, но у тебя есть учитель. А я не такой: сам еще ребенок, а уже должен быть и отцом, и матерью, заботиться о Сяо Шане. Чтобы дать Сяо Шаню учиться, старший брат правда затягивает пояс потуже, живет впроголодь. Я уже и вспомнить не могу, каким было мясо на вкус в прошлый раз.

Лю Дашань поднял руку и вытер глаза, с виду до невозможности жалкий.

Сяо Ва всё-таки был мал, и за это короткое время Лю Дашань сумел его растрогать. Вспомнив собственных родителей, которых он никогда не видел, он тоже невольно почувствовал печаль. Он взял палочки и под ожидающим взглядом Лю Дашаня протянул их к куриному супу... а потом к жареной зелени рядом.

— Вот, ешь. Это приготовлено на сковороде, где жарили мясо, там тоже есть мясной вкус.

Лю Дашань: «...»

Как он раньше не заметил, что этот мальчишка такой прижимистый?

— Ладно, попробую.

Лю Дашань тоже не стал привередничать, прямо рукой взял зелень и небрежно сунул в рот.

Он думал, что это будет обычный вкус жареной зелени, но неожиданно оказалось до удивления вкусно. Во рту она была очень свежей, и в ней чувствовался какой-то необъяснимый аромат, словно и правда мясной.

— Эта зелень и правда жарилась на сковороде после мяса?

Сяо Ва кивнул.

— Да.

И не только после мяса: он еще видел, как старший брат Гу добавил в зелень ложку куриного супа. Сказал, что это овощи, тушенные в курином бульоне, вкусные и питательные.

Сяо Ва подцепил палочками стебелек зелени и отправил в рот, чувствуя, что старший брат Гу

сказал совершенно верно: и вкусно, и питательно.

Лю Дашань видел, как Сяо Ва ест с таким наслаждением, и в душе у него зачесалось, будто там кусали насекомые. До прихода он уже догадывался, что этот повар готовит вкусно, но не ожидал, что настолько: даже простой стебелек зелени мог выйти таким. Тогда насколько же вкусным должно быть мясо?

Он уставился на большую морскую чашку куриного супа перед Сяо Ва и сглотнул.

— Сяо Ва, ты такой добрый, обязательно дашь старшему брату попробовать глоток, верно?

Сяо Ва крепче прикрыл куриный суп.

— Нельзя.

Этот куриный суп он тоже ел впервые. Старший брат Гу вот-вот вернется домой, и когда удастся поесть такого в следующий раз, еще неизвестно. Подумав об этом, Сяо Ва даже начал жалеть, что только что дал Лю Дашаню тот стебелек зелени.

Лю Дашань не ожидал, что одной фразой не только не сможет выпросить еды, но еще чуть не заставит Сяо Ва пожалеть о той зелени, которую тот уже дал ему.

— Сяо Ва...

— Нельзя...

В конце концов Лю Дашань почти стер себе язык уговорами, но так и не смог выпросить у Сяо Ва даже еще один стебелек зелени; от злости лицо Лю Дашаня едва не позеленело.

Видя, что в курином супе остался последний кусочек мяса, Лю Дашань уже ничего не мог поделать и только достал из кармана бамбуковую стрекозу, чтобы обменять ее у Сяо Ва.

— Теперь-то можно?

Сяо Ва посмотрел на бамбуковую стрекозу, потом посмотрел на курятину в чашке. В конце концов он потрогал свой круглый животик и с величайшей неохотой уступил кусочек курицы Лю Дашаню.

Лю Дашань принял чашку и, ничуть не брезгуя, ловко поднял ее и влил в живот всё сразу - и суп, и мясо. Он почувствовал, как весь рот наполнился свежестью и густой насыщенностью куриного бульона: суп не был ни капли жирным, а в послевкусии даже оставлял тонкую

сладость. Куриное мясо оказалось особенно нежным, мягким и упругим на зубах, таким, что человеку жаль было глотать.

Доев, Лю Дашань еще пару раз причмокнул, смакуя оставшийся во рту вкус, и даже когда Сяо Ва унес чашки и палочки, он всё никак не мог заставить себя уйти. В душе он прикидывал: когда младший брат сдаст экзамен на сюця, он тоже пригласит этого повара домой и велит ему как следует приготовить застолье.

Только он не ожидал, что они с Гу Дао очень скоро снова столкнутся. А что до той чашки куриного супа - ее ему тоже не пришлось ждать до пира в честь успеха брата: он попробовал ее раньше.

<http://bllate.org/book/17822/1733919>